

Анна Гераскина Иволга

Сборник стихотворений

Мне

*Мне тридцать и мне страшно
Что мир бумажный, мой мир бумажный
Что влюбиться сложно
Что думается с трудом
И где мой дом
И где мой дом
Дом, где бы ждали и привечали
На злобу не отвечали, а гладили и молчали
И обняли.
Зарывшись носом
В колосья-косы
Не задавали вопросы*

*Где моя любовь
Бархатная, бархатцевая
Где моя любовь яхонтами из ларца
Где моя слабость, мой сон, мой свет
Нет*

Не было
Шлягеров, лета и танцев у самой кромки
Взрослые девочки плачут на дне коробки
Ластятся ласточкой, маленьким одичалым
Тоняются на причалах
Потому что девочкам тридцать
И девочкам страшно
То, что их завтра пропахло больным
вчерашим
То, что срок годности тела
Срок годности счастья
Старой татуировкой выбиты на запястье
А пока, безусловно, мята и персики, алыча
И пока, безусловно, стараешься не кричать
И пытаешься медлить, спешить, чтобы
чувствовать, что еще
Кто-нибудь сложит голову на плечо

Больно и горячо
Страшно
Но нипочем.

Каша-малаша

*Каша-малаша.
Девочка Глаша,*

*Девочка Агния,
Девочка Алевтина Григорьевна
Розенберг-Петрова,
Горлица черноброва,*

*Пьют на веранде чай, добавляют жимолость,
Вспоминают молодость беспородную,
Воду холодную,
Осень голодную.*

*Мажут на мякиш хрусталь из варенья,
Июльский замшелый сок.
Дремлют часок.*

*Глаше приснился ее отставной жених
«прореди усы».*

*Гипотенузы любви и прочие радиусы
Счастья в проектном бюро,
километры миллиметровки,
Физики-полукровки, жещины-полубровки.*

*Агнию снится земная, по сути, твердь.
Хляби небесные — выпить и умереть.
Брежут гиены. Гиены противно лгут.
Все происходит в Сургуте. Конечно, вокруг
Сургут.*

*А Алевтине достался не сон, а шваль.
Еле его усмотрела и то едва ль
Что-то запомнила, просто расслабила
полушария головного.
Видит архангела — идола неземного.*

*Он к ней подходит и гладит руками косоньки:
Вы мои кисоньки,
Три заплуталых козоньки.
Вы мои девоньки, дочки блудные,
Вешние воды и годы седые, трудные.*

*Спите, болезные, Спите, прелестные, Тайте.
Красной смородиной в темечко прорастайте.
Кровь с молоком на опару да глубже в печку.
Юность, как водка — опасна и скоротечна
Зрелость, как лук — это слезы, лузга и
стрелки.*

*Старость — как каша-малаша.
На дне тарелки.
Глаша и Агния просыпаются среди ночи, от
лени пользуются ведром.*

*Алевтина Григорьевна Розенберг-Петрова
спит беспробудным сном.*

Яблоки

*Будет осень.
Цветочки-бантики.
Все в платьях,*

Она — в батнике.

*Мамина юбка
Тонкого ситца.
Хорош плакать!
Уж лучше злиться.*

*Девочки, девочки,
Сколько стоит
Ваше молчанье
У барных стоек?*

*Девочка, девочка,
Сколько будет
Легкая грусть,
Поцелуй в губы?*

*Косы обрежешь,
И будет выбор:
Учиться в Питер,
Работать в Выборг.*

*Чтоб сны — и в полдень.
Чтоб снег — из кружев.
Топить дензнаки
В остывших лужах.*

А у крылечка

*Падают яблоки.
С топотом-шепотом.
Спелые якобы.*

Фиалка

Да и имя у тебя дурацкое, да и имя у тебя. Живешь где-то там далеко, и зовут тебя Виолончель, зовут тебя Виола, Виолетта, фиалка фиолетовая, цветок, неженка.

Я тебя люблю.

Вот тут можно было бы заканчивать, если бы это не было самое начало. А теперь придется рассказать, почему я тебя люблю и за что.

Ну вот точно люблю тебя не за то, что ты стоишь за прилавком магазина и хорошенькими своими руками отвешиваешь пенсионерам селедку, глядишь мутно и легонько, будто успокаивая перед повторной смертью, гладишь рыбью чешую, перед тем как достать из холодильника на коричневую бумагу карпа, карася или какую другую щучку. Не за это. Не за это, не за это, не за то. Потому что за прилавком стоит совсем другая женщина — красная, дебелая, с тремя лепестками челки на лбу, а не ты.

Просто я во всем вижу тебя, даже в плохих вещах, а не только в самых красивых. Вообще во всем, во всех тебя вижу!

Вон идет мужчина сутулый, под мышкой букет, в

руке пакет — а это ты. Легкое создание, полый организм, готовый вобрать в себя всю нежность и там внутри под ребрами хранить. «Теленьк-теленьк» будет биться она, нежность, и отскакивать от косточек. Но пока только тот мужчина здесь, который с цветами, да-да, именно, и с пакетом. Стоит на красный свет, хотя машин и в помине не видно, ждет. Вот и я. Однажды ждал тебя, помнишь? Не помнишь. Было холодно стоять солдатиком под окнами, у всех на виду. Потому что каждый смотрел и думал — чего стоит, кого ждет. А я тебя, тебя. От снега становилось тяжело дышать, потому что он хлопьями забивался в рот, но я глотал его и дышал изо всех сил, ведь еще минутку, еще секунду, еще часок — и вдруг ты придешь. И ты пришла. Вышла из подъезда во всклокоченном пальто, из-под которого колготочки тонюсенькие, такие, что можно коленки разглядеть. Подол платья кружевного, стрелочки, пылающие губы. Ты встала передо мной, вытянулась, напряглась — тонкая, звонкая — и сказала, выпалила:

— Саша, Саша, блять, да ты заебал ходить за мной, ты заебал нахуй, ты имбецил, ты сука мне остоебенил под окнами стоять, я больше не могу, я скажу Жоре, он выбьет тебе все остатки мозгов и нахуй по асфальту размажет. Пошел отсюда, чтоб я не видела тебя больше.

Вот так ты сказала. И я был очень-очень рад. Потому что зверобой в косах твоих, потому что руки твои из иван-чая, а ступни из пажитника, потому что ты цветок чужестранный, но сердцу моему родной. И

когда я еду по даче, по грунтовой дороге, разрезая ее колесом напополам, я кричу твое имя — Виола, Виолетта, Виола, Виолетта, Виола, Виолетта.

И мне горячо.

Високосный год

*Катя не раздевается
Шторка не развеивается
Веточка не колышется
Голос не слышится
Дышится
Тяжело, горячо
Катя кладет его голову на плечо
И жалеет, и завывает
И сама его раздевает.*

*Сиротинушка
Божия ты скотинушка
Спинушку выгнула
Мамина ты кровинка
С середины на половинку
Никакая
Не очень то и приметная
Женщина неприветная
Держит его*

Приговаривает

Говорит:

Конченный инвалид

Ты, любимый, конченный инвалид

У меня навсегда болит

Твоя боль

Немота, чернота и сажка

Кто тебе это скажет?

Я скажу

Выхриплю да размажу блевней да по столу

*Вырастешь, сдохнешь и сразу уйдешь в
апостолы*

А я тогда лягу и отдохну, и посплю

И просплю я четыре дня и четыре сна

Выгляни

Выздохни

Вылюби

Ночью уже весна.

*А потом Катя собирается и везет в
поликлинику*

Через лужи

Безропотно

Ботиками гребёт.

Только еще не весна

Високосный тяжелый год.

Рельсы

Разнопарки

Славные детки

*Вдоль рельсов, поперек горла Щебень кусает
пятки Взятки давно не гладки Порно*

*Порно графически чертит круги и рядышком
увивается*

*Кто последний не спрятался, тот
раздевается.*

Раз-два-три-четыре-пять Я иду тебя.

Целовать в уста медовые

Поглядеть в глаза бедовые

По загривку холить

Водить рукою

Не давать волосам покоя

В утреннем зареве приговаривать

Ворковать

Именем называть

Не твоим

Не моим

А христовым негласным отчеством

*Нету пророка в моем отечестве
Умер от одиночества.*

*До электрички сто метров
По грязному четвергу,
по обмылкам камня.
От Комарово
До Питера, Господи, не оставь мя.*

А и Б

*А и Б сидели на трубе
Навстречу своей судьбе.
На А был старый бежевый кардиган.
— Это судьба, — повторял он. — Это судьба.*

*Слюнявил кончик старого мундштука.
Маленький мальчик, похожий на мужика.
Голос дрожал, да и сам зажат.
С детством на цырлах.*

*А с юностью на ножах.
Руки грубее, чем слово, которое уронил
В парке промеж людьми.
Б потирал ладони, добыл огонь.*

— На, подкури — и не бойся, ведь я с тобой.
А потянул, захлебнулся в своем дыму.
Холодному одному
А не кочурится, греется не на жизнь.
Пар завивается в сердобольные виражи.

На теплотрассе А в безотцовских валенках
Кажется вовсе маленьким.
Б обнимает его, клонит голову на плечо.
— Все тебе, миленький, нипочем.

Вырастешь, будет и дом, и в дом.
Будешь вести и не будешь никем ведом.
Быть беспризорником — школа, как жить не
ссучившись,
Как засыпать на перине, набитой тучами,

Грязью, говном, магазинным скупым
картоном.

А — это буква. А батя назвал Антоном.
Батя назвал самым лучшим, по сути, именем!
Так не забудь его, не гони его, говори его,

Помни — не вздумай терять на улице.
А поелозил. Попробовал не сутулиться.
Б целовал его щеки, и с дымом ушел,
по-тихому.
Что остается?

*Лишь запах
по-летнему
облепиховый.*

Вместо

Небитый ходит по битому.

Я сплю дергано.

Во внутренних органах

Отдается

Поезда та-та-та-та.

До доньшка живота

Темень.

Я еле-еле

Еду-еду

Из точки над ё в точку над ё.

Это моё.

Сердце моё.

*И тут оно говорит — любимый, Вагон шесть,
шестой.*

*А я прошу — замолчи, уйди на покой, Люби
молча,*

*Здесь мирные граждане, сон, to be или not to
be.*

А оно заладило

Любимый, люби, люби.

Приехали.

Серебряное

*Посиди со мной, у меня тоска.
У меня в сапог набралось песка,
И такой комок горячит в руке.
Повиси со мной на моей доске.*

*У меня игла — не видна, и пусть
На окне узор, подоконник пуст,
Ты побудь со мной, посиди со мной,
Мой небесный друг, мой дурак земной.*

*И такая рвань развернулась вширь,
Пролегла рекой да из глаз больших!
Поживи со мной. Помирай — один.
У меня тоска, хоть с ума сходи.*

Целовал

*Целовал ястреб курочку
До последнего перышка.*

*Перманентная дурочка,
Поинт зироу шестерочка.*

*За дуэли «с отличием»
Кренделечки и шанежки.
И перчатки приличные
На резинках, как варежки .*

Ласточки

*И поехали ни на чем,
И привезли ничего да мало.
Ваше искреннее плечо
О коленку меня сломало.*

*Я не буду молчать во сне,
Я предам и родных, и прочих.
Эти ласточки по весне
Просто голову мне морочат.*

Я говорю

*Я говорю: давай, отпусти во двор.
Она говорит: попозже, сейчас жара.*

*Я говорю: опять недалекий спор,
Я говорю: мама была права.*

*Она говорит: просто побудь и все,
Она говорит: редко заходишь так.
Я говорю: вторником не спасешь
Тех, у кого в памяти — портулак.*

*Тех, у кого грецкий орех в шкафу,
Тех, у кого кашель и е-мое.
Я говорю: манная каша — фу!
Мне говорят: Котя, надень белье.*

*Мне говорят: выпей и будешь злей.
Мне говорят: выше любых глубин.
Я говорю: как же мне дальше с ней,
С женщиной, выжившей из седин?..*

Нью-Йорк

*Когда я поеду в Нью-Йорк
У меня будет один чемодан с книгами
Один с портвейном
Один с трусами*

*Этим я обозначу свои жизненные
приоритеты
Стюардесса с южно-русскими волосами*

Где-ты

Где-ты находишь в себе силы не прятаться

от

историй

Каждому кто попросит — давать

Каждому кто полюбит — давать напиток

*У тебя от эспрессо эспрессо депрессо и
прочего пресса*

Жизненный цикл сбился

*Лунный пищеварения ретроградный меркурий
просто*

Мамина куртка

Зверская одичалось

Почему ночи в России до черни зимние

Почему ты кричишь как ранее даже с

лучшими

не кричалось

Я когда в Нью-Йорк уеду

А это скоро скоро

Я на желтом такси я с глянцевым я с

тяжелым

Сердцем впрочем в багаж не влезет

Я куплю себе туфли крем и бутылку колы

Чтобы быть в беде

Чтобы быть полезной

Обществу

Высшему понимаешь свету

Высшему звуку который из этой моей

гортани

Я когда уеду

Тогда начнется

Самый

Последний

Танец

И ведь знаешь мама кто нюхал порох

*Он травы не курит ковры коврижки читает
книжки*

В свете самых преданных мониторов

Видит свои парижи

А у меня Нью-Йорк

Сентрал Парк

Утро зелень в пучке салата

И от булки горячей пар и картон и в

сердечном

ритме

Виновата

Впрочем не виновата

Только мне об этом не говорите.

Яблочко

Расти большой,

Не будь лапшой.

Выходи гулять,

Изойди паршой.

Имя, как волоком по песку —

Михай Ан-то-нес-ку.

*Румынского дипломата яблочко,
налив белобрысый.*

Мальчики звали по-дворовому — «крыса»,

Крыса фашистская.

Били неслабо, в дыню.

Чтоб пошатнулась твердыня

Под югославскими заграничными

сандалетами,

Тыкали деревянными пистолетами.

В бок.

Так. Чуток.

Лето ли осень — лупили, кидали щепнем:

Чувствуй себя ущербным,

Чувствуй себя ущербным!

Полюби женщину некрасивую, сивую.

Утирай слезу горячую, горячую.

Укажи дорогу зрячему,

Вырой яму слепцу-подлецу

И пошли к отцам.

Коли быть отцу

Рядом с сыном.

*Собраться с духом,
Утереть соплю, почесать за ухом,
Потереть разодранный локоток.
Слышно только горлицу — ток и ток —*

*Токтокток прошибал
Ктокто то проебал Момент
созревания Яблочный самый спас?
Кто не уберез и не спас?*

*Михай к маме подходит и говорит шепотом:
— Мама, отчего они дерутся, да и че потом?
Они же убьют меня, я же боюсь, я робкий,
В домике из коробки!*

*Мама вытирает руки,
наманикюренные сусально:
— Колоссально!
И глядит в окно,
Там где мальчики режут яблочко наливное,
дольками,*

*Оставляя кожицу на потом,
И смеются с набитым ртом.
А на улице август.
Такое сякое дело. Слышишь?
Это горлица улетела.*